

РАЗДЕЛ II

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (65). 2012. № 1-2. С. 102–122.

УДК 008

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЛЖИ

Шоркин А.Д.

Концепт лжи рассмотрен в культурологическом контексте – как атрибут персистентного состояния культуры. Исследуются корни лжи, симптомы её накопления и способы саморегуляции.

Ключевые слова: ложь, заблуждение, правда, честность.

Объектом исследования выступает концепт лжи. **Целью** статьи является рассмотрение концепта лжи в культурологическом контексте – как атрибута персистентного состояния культуры.

В логике и гносеологии понятие лжи повсеместно применяется почти исключительно в качестве некоторого определённого «значения истинности суждения». В двузначной логике всякое суждение либо истинно, либо ложно. Многозначные логики между двумя этими крайностями помещают многие промежуточные «значения истинности», и тогда получается как бы лесенка со сколь угодно малыми ступеньками, на каждой из которых истина и ложь перемешана в разных пропорциях. В отношении огромного количества суждений (начиная с ответов на банальные вопрошания о том, «будет ли после обеда дождь?» или «стоит ли мне так поступать?») мы, действительно, не можем быть полностью уверены, насколько они истинны. Скорее мы вправе только надеяться на то, что на них можно в какой-то степени полагаться.

Суждение считается в логике отличным от предложения или высказывания тем, что оно абстрагировано, свободно от отношения субъекта к собственному высказыванию (если только отношение это не является специальным предметом особых «модальных» суждений), а также тем, что одно и то же суждение может выражаться многими разными фразами, передавая их инвариантную смысловую суть. Поэтому оно и способно непременно иметь некоторое значение истинности. Среди шелухи слов, наших эмоций, скрытых оценок и неявных допущений так обнаруживается и абстрагируется твёрдое ядро суждений с их несомненной или спорной достоверностью. Абстракция эта – нужная и плодотворная, царящая здесь

оппозиция «ложь – истина» вполне релевантна, а в когнитивном плане первостепенна.

Но не следует и забывать об условности всякой абстракции: разве, например, кто-нибудь из реальных живых людей хоть когда-нибудь абстрагировался от своего отношения к тому, что он говорит? Как не бывает беспредметного мышления (мы мыслим непременно о чём-то, а не просто мыслим), так невозможно и безотносительное говорение. Мы всегда учитываем, с кем говорим, непременно как-то оцениваем сказанное, соотносим с контекстом интересующей и тревожащей нас жизни, эмоционально на него реагируем. Хоть интонацией, вариацией громкости или темпа речи, изменением позы, жестом, направлением взгляда или скользнувшей особенностью мимики, – подобными неисчислимыми знаками мы всегда демонстрируем слушателю своё отношение к тому, о чём говорим и что слышим. Другое дело, что не все такие знаки хорошо читаются собеседником, или что нам хотелось бы скрыть их от него. Но они всегда есть, и зачастую они тем незаметнее, а затем, вдруг, пугающе неожиданны и сильны, чем интенсивнее и ярче наше отношение к высказываниям. Более того, в огромном числе случаев, что особенно характерно для дискурсов женщин, именно отношения субъектов к их высказываниям составляет не только непременный второй план того, о чём они говорят, но даже преимущественный и главный предмет общения.

В любом случае, однако, наличие отношения субъектов к собственным высказываниям делают их завершёнными для слушателя, придают им искомую смысловую полноту. Когда эти отношения невняты, мы настораживаемся, перестаём собеседнику доверять и стараемся прояснить его позицию: то ли пытаюсь огоршить прямым вопросом, то ли исподтишка провоцируя нужную нам его реакцию. Сильная абстракция суждения, таким образом, по обыкновению одновременно оказывается, как метко изъясняются философы, «тощей», уместной на весьма ограниченном узком диапазоне. Она откровенно иссушает естественные языки, ни один из которых никогда не состоял и не может состоять из голых суждений, очищенных от наших разнообразных к ним отношений. Иллюзорность модели естественных языков, состоящих из суждений (а не высказываний), означает и компрометацию в области естественных языков «значения истинности» как главного атрибута абстракции суждения. За пределами его релевантного применения и действия «ложь» отнюдь не имеет в качестве единственной реальной своей оппозиции непременно «истину».

С чем соотнести, скажем, выражение «ложный пафос»? – ведь «истинного» то пафоса не бывает. Другое дело, что он может быть искренним или нет. Не искренний, – как манерный, фальшивый, преувеличенный, наносной или искусственный, мы и называем «ложным». За пределами логико-гносеологического контекста, в антропологии и культурологии, таким образом, открываются иные бинарные оппозиции «лжи», наподобие «искренности», которые разнообразны и отнюдь не стягиваются к обязательности и исключительности апеллирования к «истине». Между тем, антропология лжи прописана весьма поверхностно (в основном в плане моральных сентенций), а культурология лжи вообще отсутствует.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ ЛЖИ

Ведущими оппозициями «лжи» в культурологии являются, согласно развиваемым нами положениям, «правда» и «честность». Ложь, прежде всего, – это сознательная подделка правды. Умысел лжеца состоит в продуцировании видимости, фальши, он сродни фальшивомонетчику. Приукрасить, обмануть, перехитрить, выдать желаемое за действительное – вот стратегии лживого человека, у которого отсутствует честность. Он постоянно носит маску и всегда настороже, как бы за тонкой наносной позолотой его фальшивой жизни не обнаружилась сермяжная «медная» правда. Он так привык обманывать других, что начинает обманывать и себя, не замечая уже за приросшей маской собственного лица. «Потерять лицо» – это выражение во многих древних и современных культурах означает уронить своё достоинство, утратить честь. Быть честным – это, одновременно, и не лгать, быть верным своему слову (в разных субкультурах от «слова дворянина» или «честного пионерского» до «ответить за базар»), и, также, обладать честью («честь имею» – этими словами нередко даже прощались), то есть, быть достойным человеком.

В ментальности культур средиземноморья, от Пиндара до Монтеня господствует уверенность в том, что «правдивость лежит в основе всякой добродетели», а «первый признак порчи общественных нравов – это исчезновение правды» [10, с.308]. Иоанн Лествичник в своём «Слове 12», специально посвящённом греховности лжи, опирается на, действительно, «страшное изречение» из Псалтыря (Пс. 5, 7): «Бог погубить вся глаголющя лжу» [8, с.101-102]. «Не покрывайте истину одеждой лжи», наставляют тексты Корана (сура 2, 42; сура 63, 4), с лживыми лицемерами, «врагами твоими», Бог ведёт войну [6, с.7, с.554]. Известный под почётным именем «философа арабов» аль-Кинди разоблачает «скотские души» стяжателей и завистников, оберегающих свои «поддельные троны» от света истины и правды [1, с.712-713]. Ибн-Сина к числу первостепенно важных продуктов взаимодействия «практического» и «умозрительного» разумов человеческой души относит «постыдность» лжи [4, с.740]. В любых распространённых учениях о человеке как микрокосме (включая астрологию и каббалу) лживость очевидно и грубо разрушает его «порядок» и «подобие строения» Вселенной макрокосма, тем самым разрушая человека.

В древнеиндийской культурной традиции инвариантным её ядром на протяжении тысячелетий являются «пять великих усилий ямы (то есть практики воздержания)»: от нанесения вреда живому, от лжи, воровства, чувственных влечений и жажды богатства [13, с.32]. Сразу же вслед за принципом ненасилия, «ахимсой», как видим, здесь следует императив «сатьи», правдивости.

И в китайской традиции «совершенномудрые люди», как говорит Конфуций в «Каноне перемен», «выстроили символы гексаграмм, чтобы исчерпать правду и ложь» [14, с.25]. Его лучший ученик, Цзэн-цзы, считает нужным трижды в день проверять себя: «был ли я чжун?» (прямодушен) и «был ли я синь?» (правдив) [5, с.57]. Конечно, это отличает «цзунь цзы», человека высоких достоинств, от «сяо

жень» – людей ничтожных, заикленных на выгоду «людишек», которые способны превратить культуру в нечто фальшивое и показное (в «сы», как говорит историк Сыма Цянь [5, с. 63]).

Ложь традиционно увязывается также во многих культурах с такими «греховными страстями» как многословие, лицемерие, лесть, зависть. Безо лжи как универсальной отмычки нельзя попасть ни на позиции подлости и беспринципности, которые сулят выгоду, ни оступить в позорные пространства трусости и малодушия. Лживость, согласно распространённым моральным сентенциям, разъедает вкус и принижает разум, быстро разрушает порядочность и снижает полноту общения до преимущественного использования суггестивных техник. По мнению одного из отцов культурологии, Лесли Уайта, искажение ложью символических основ культуры приводит к её информационным сбоям и к нарушениям механизмов трансляции культурного наследия от поколения к поколению. В общем, получается, подмена правды и честности ложью ужасно деструктивна – сплошная гадость и мерзость, и обществу помеха, и для души отдельного человека – отравка.

Что ж, во многом и в главном всё это верно. Но отчего за все времена не известно ни одной (!) культуры, свободной от деструктивного начала лжи? Отчего мы часто оправдываем ложь «во имя спасения» или склонны осуждать «несвоевременную» правду? Отчего мы гордо именуем правду «подлинной» и «подноготной»? Разве красит это её: получать правду под линем (посредством порки верёвкой) или вообще посредством пытки щепками под ногти? Отчего мы то и дело врём, разве кто-нибудь, не солгав, может сказать, что он никогда не лжёт? «Отравка» то привлекательной оказалась! И ведь знаем, что нехорошо и гадко, а всё одно и во все времена – врём. И Сократу, по свидетельству Платона, уже пришлось заниматься вопросом о том, плохо ли обманывать людей, и некоторые современные философы клеймят XXI век как «эпоху тотального вранья» [7, с.41].

КОРНИ ЛЖИ

Стандартное и банальное после гуманистов объяснение неистребимости лжи состоит в стремлении людей к обогащению и власти. Жажда наживы и искус господства делает купцов и государей-дармоедов, согласно Эразму Роттердамскому, «глупее и гаже всех», ибо они пользуются «наигнуснейшими средствами»: «вечно лгут, божатся, воруя, жульничают, надувают и при всём этом мнят себя первыми людьми в мире только потому, что пальцы их украшены золотыми перстнями» [12, с.63].

Конечно, наблюдение это с очевидностью справедливо – увы, всегда и везде. Возможно, что одной этой причины достаточно для перманентного цветения чертополоха лжи. Но, полагаю, эти цветы зла укоренены ещё глубже.

Искусство обмана, во-первых, восходит к обычным, многочисленным и разнообразным, ещё пресоциальным охотничьим хитростям. Здесь он – несомненное достоинство и жизненная необходимость. Ведь не обманув добычу, её

не подстережешь и не поймашь. Маскировки, наживки и приманки, ловчие ямы и петли: что это, как не отработанные тысячелетиями изощрённые технологии обмана? Недавно по телевидению прошёл ролик, где было снято, как сорока прогоняет кота: каким вялым, жалким и слабым он притворялся, пока не ослабил бдительность птицы и внезапным мощным прыжком не схватил обидчицу в зубы! А к каким хитростям и уловкам по отношению к туристам на нынешних курортах прибегают для достижения своих целей обезьяны! Ещё до-сапиенские гоминиды как мелкие стайные дневные хищники располагали обширным арсеналом традиционных охотничьих способов обмануть добычу и изобретательно его пополняли. Более того, согласно современным данным биологической антропологии, частью пищевого рациона для них служили представители собственного вида, перехитрить и умертвить которых было сложнее, чем, скажем, рыбу или дичь. Так охотничье оружие и сноровка изначально совместились с приоритетами военной хитрости и совершенством орудий войны. Разнообразные боевые искусства непременно основаны на ложных выпадах, обманных движениях, на финтах. В исходе сражения решающей зачастую оказывается не сила, а скрытый и внезапный маневр. Искренний, не скрывающий для противника своих намерений воин нелеп и обречён на поражение. Гордость умелого охотника, доблесть воина, умение обмануть, перехитрить добычу или неприятеля в равной мере и с равной уверенностью справедливо относились к высшим достоинствам древнего человека.

С тех давних пор блёсна, самодуры, прочие приманки, капканы и ловушки стали ещё изощрённее и эффективнее. Технологии сокрытия правды и дезинформации интенсивно развиваются и проникают всё в новые сферы. Современная политика невозможна без имиджмейкеров и пиарщиков, в экономике информация ныне без обиняков объявлена товаром. Чтобы правда получила рыночную или политическую цену, она должна быть скрыта или хотя бы приукрашена. Так современные цветы лжи, как антонима правды, растут из корня древнейших, ещё пресоциальных охотничьих хитростей.

Другими корнями лжи, уже культурного свойства, являются (1) возникновение субкультур и конкуренция культур, (2) общекультурная тенденция контроля над эмоциями, а также (3) ситуативное несовершенство норм, неполнота знаний и ценностные дезориентации.

Почему всё это мешает правде и честности? Да потому, прежде всего, что у представителей каждой из субкультур (не говоря уже о культурах) своя правда, не только отличная от других правд, но даже, по мере развития субкультур, иным правдам противоречащая. С тех пор, как древнейшие изолированные общины стали превращаться в более сложно структурированные общества, диктат единообразия постепенно смягчался возникновением и взаимодействием субкультур. Конечно, пока правды не противоречат одна другой (как, например, это было в детской, мужской и женской субкультурах инцестуально замкнутых общин), никакого конфликта не возникает, и своим никто не лжёт. Но как только правды субкультур вступают в противоборство, на тропу конкуренции и войны вступают и их

носители, со всеми вытекающими последствиями сокрытия правды от «чужих», необходимости обманов и военных хитростей.

Канонический пример столкновения культур приводит Т.Б. Любимова в своей вступительной статье к одной из книг Рене Генома. «Согласно Библии, всё пошло кривь и вкось, потому что Каин убил Авеля»: оседлый земледелец, садовод и вегетарианец убил пастуха и кочующего скотовода, который каждый день резал овец [3, с.12]. О своей правде каждой из многих и разных культур и об их беспощадной конкуренции, когда «все средства хороши», свидетельствуют обширные коллекции фактов культурной антропологии и реалий политической истории, тысячелетняя практика межконфессиональных конфликтов и даже футурологические прогнозы. Может ли «столкновение цивилизаций» или «война миров» обходиться без противоборства правды и кривды, без изощрённых хитростей и ловушек, без дезинформаций и обманов? Иными словами, ложь надёжно вплетена в средства конкуренции культур. Если бы культура после Авеля оставалась неизменной, то, возможно, люди так и не научились бы лгать. Но культура не может не развиваться (хотя время от времени берёт передышку), и так всё дальше уводит нас от Эдема, где слово лжи ещё было невозможно.

Вовсе уже очевидной и обыденной становится ложь, которая сопровождает взаимодействие субкультур. Все детективы о сыщиках и преступниках – это истории о взаимных обманах и ловушках. Детектив ищет улики как охотник – следы. Криминальные субкультуры консолидированы правдой «понятия», а «честные менты» – правдой «закона». Их взаимная искренность в целом просто невероятна и достижима лишь в тех исключительных душещипательных случаях, когда вор уважает «правильного мента» и по отдельному вопросу может быть с ним откровенен, или когда уголовник «становится на путь исправления». На наших детей влияют разные субкультуры, и как только ребёнок начинает это понимать, он скрывает от родителей многое из того, чему учат его, по маминому выражению, «уличные хулиганы». Или, чутко улавливая возрастные или гендерные нюансы членов семьи, ребёнок избирательно дозирует свою направляемую им информацию и так, играя на различиях субкультур, пытается манипулировать нами для достижения собственных целей.

Конечно, процессы социализации (инкультурации) в почти стандартных ныне условиях наличия многих и разных субкультур усложнены и отягощены риском ценностной дезориентации. Быстро меняющийся состав растущего знания систематически выводит нас в пограничные ситуации с непознанным, неполнота имеющегося знания теперь, в ситуации техногенной цивилизации, очевиднее и воспринимается острее. Даже «истина» современными интеллектуалами то и дело ставится под вопрос. «Правильное» стало более зыбким и переменчивым, совершенство норм поставлено под сомнение их перманентным расшатыванием и вариативными трактовками. Скепсис относительно правды, уход от искренности, которая теперь рискованна (ибо твоя позиция легко может оказаться ошибочной или твоей откровенностью могут беззастенчиво воспользоваться), – такова теперь распространённая стратегия общения и жизни, которая зачастую на деле

способствует обеспечению безопасности. Безразличность прочно соединилась с толерантностью, честность уступила место контракту, а безбрежная полнота общения – взаимовыгодной и необременительной коммуникации со строгими границами, попытки пересечения которых неуместны и почти невозможны.

Обо всём этом немало сказано и написано, но, в основном, в духе морализаторства и порицания. Для нас здесь, в культурологическом дискурсе, моральные оценки второстепенны, но важна фактическая констатация прочности и разнообразия способов укоренённости лжи, – для того, чтобы затем можно было поставить и попытаться ответить на вопрос: для какой такой надобности культуры и в каких случаях создаются условия для укоренения в ней лжи?

Гораздо меньше внимания исследователями уделяется тому обстоятельству, что практики обуздания эмоций, которым придавалось столь большое значение почти во всех культурах, также непосредственно и эффективно способствуют сокрытию правды (то есть, потенциально, укоренению лжи). Императивам невозмутимости, атаксии, апатии, отрешённости и им подобным следовали буддисты, конфуцианцы и стоики, дервиши и отшельники, ацтеки, самураи и рыцари. Искусство сокрытия и опустошения эмоций, однако, было доступно лишь для избранных, немногих и лучших адептов и воинов. Большая же часть обычных людей оставалась примерно столь же эмоциональной, как современные дети. Как они кричат и канючат, плачут и смеются, ластятся и дерутся, как ярко проявляются и как быстро меняются их эмоциональные состояния! То, что мне известно о европейцах даже и XVI века, позволяет предположить, что современный человек в их глазах был бы столь же сухим и холодным, странным и ненастоящим, как для нас – робот. Широкомасштабный контроль над эмоциями как критерий цивилизованности стал детищем Нового времени, продуктом машинной экономики и национальных консолидаций, колониальных захватов, дистанцирования от «дикарей» и распространения всеобщего образования. Но как только мы научились контролировать и прятать эмоции, мы стали не только более невротичны, но и приобрели привычку к маске сокрытия искренней своей реакции на происходящее и, тем самым, сокрытия возможных намерений. Мы стали менее откровенны, закрылись от других, сделали очередной шаг от правды в сторону лжи.

В межличностных коммуникациях, даже и при условии их максимальной открытости, мы также из самых добрых побуждений хотим казаться лучше, чем есть на самом деле – продемонстрировать свои лучшие, а не худшие стороны. Похвальное это стремление (быть лучше для другого, в конечном счёте – это просто самому становиться и быть лучше) глубоко укоренено в бессознательности личного мифа. И столь же глубоко укоренены коммуникативные корни лжи (как уклонения от правды). Мало того: всё, что мы говорим друг другу, всегда менее точно того, что мы думали, чувствовали и сказать намеревались. Слова беднее чувства, тяжелее и медленнее мелькания прихотливой мысли. «Мысль изречённая есть ложь» – так поразительно одинаково, слово в слово, поэтически фрондируют эту идею Ф. Тютчев и П. Валери. Это тот случай, когда и хотелось бы быть «до донышка правдивым», да не получается. Есть истины, которые «нужно хранить сомкнутыми

устами, потому что разевать рот бесполезно», – «моменты невыразимого», как их условно именует М.К. Мамардашвили, когда вещи только шарахаются от звука слов и от нас убегают [9, с.50, 124].

Упомянем, наконец, ещё одну, теперь экзистенциальную, преграду открытости и безграничной искренности. О ней лучше других говорят представители экзистенциализма и персоналисты. Эммануэль Мунье называет её «глубинным дистанцированием» персоны от общества окружающих людей, забот, целей, от каждодневной суеты дел. Необходимо не только деятельностно «воплощать» там своё существование, но и уметь отстраняться от этого, иметь и оберегать тайну неявленной вовне личной жизни. Надёжное умиротворяющее уединение столь же важно для человека, как и роскошь общения. Для самоосуществления, для полноты своего бытия нам нужна особая потаённая зона, где мы могли бы укрыться от суеты, побыть наедине с собой, неспешно перебирая спрятанные от чужих глаз виртуальные сокровища. Оттого и возникает особый и изысканный спрос на искусство быть правдивым, не говоря всего. Непременная тактика утаивания персонального или имитируется и легко опошляется (например, распространённым отнесением к зоне потаённого таких вещей как зарплата), или, в более редких случаях, оборачивается умением не уклониться от правды, что-то утаив, но ни в коем случае не солгав.

В целом, присоединимся здесь к М.К. Мамардашвили, наше присутствие в мире так устроено, что «помогает нам не видеть правды», в топологии жизненного пути истина и ложь то и дело сплетаются и становятся схожими, а «онтологическая ситуация человека есть ситуация упрямой слепоты» [9, с.30, 14].

Предпосылки лжи, таким образом, издавна и прочно укоренены в культуре многими разнообразными способами. Помимо пресоциальных своих истоков, они продуцируются кросскультурными и субкультурными взаимодействиями, изменениями норм, коррекцией ценностей и прогрессом знаний, повсеместной практикой окультуривания эмоций, коммуникативными и индивидуализирующими процессами. Во все времена мудрецы предостерегали людей от порока лжи, но она оказалась неистребима. Ложь оказалась востребованной – и людьми, и культурой. Почему людьми – в основном понятно: слаб человек, с ложью обычно легче жить. Но зачем ложь культуре, в чём состоит её культурологическая роль?

ЛОЖЬ В ПЕРСИСТЕНТНЫХ И ТРАНСМУТАЦИОННЫХ СОСТОЯНИЯХ КУЛЬТУРЫ

Суть различия этих двух состояний культуры состоит в том, что первое из них сопряжено с процессами стабилизации, а второе – с кардинальными переменами. В персистентном состоянии культура находится в одном из её аттракторов, культурные трансмутации происходят в зонах бифуркаций. Культура не может перейти в иной аттрактор, минуя зону бифуркации. Находясь в аттракторе, культура развивается в условиях доминирования традиций, в трансмутационном

состоянии происходит их ломка, перестройка ценностей, осуществляется генезис новых норм. Их чередованием культура развивается.

Неверно считать одно из этих состояний предпочтительнее или лучше другого. Трансмутации могут быть (что в культурной истории много раз происходило) как конструктивными и позитивными, способствующими культурному росту, так и деструктивными, отбрасывающими культуру к более примитивному уровню. Персистентные состояния могут конструктивно исходить из трансмутационного распознавания и преодоления былых заблуждений, начинаться с живой, новой и успешной нормы, но со временем всё равно приводят культуру к вялости застоя. А зачастую, как это также неоднократно наблюдалось, они быстро приводят к омертвляющей канонизации нормы, к лицемерию, охоте на диссидентов и «врагов народа», к разнообразным силовым практикам «оттеснения лжецов и очищения от скверны» – Варфоломеевской ночи, кострам инквизиции, массовым казням, депортациям, концлагерям. Некоторые аттракторы вообще приводили свои культуры к гибели, о чём свидетельствуют многочисленные истории исчезнувших культур.

Труднее и хуже, как известно, жить во время перемен. Поэтому персистентные состояния обычны, а трансмутации – эпизодичны. Люди, сколько могут, пролонгируют персистентное состояние своей культуры, но рано или поздно оно оказывается исчерпанным, и тогда мы знаем только, что «так жить нельзя», а затем с закрытыми глазами и смутными иллюзиями бросаемся в море новой жизни. Культуры себя исчерпывают оттого, что присущие им нормы со временем перестают быть успешными для регуляций изменившихся реалий жизни. По мере того, как они становятся всё менее успешными, компрометируемый содержательный их характер подменяется и подкрепляется формальным началом. Прежние пластичные и простые нормы ужесточаются морализующим долженствованием (коим теперь заняты многие важные люди), постепенно превращаются в сложноструктурированные твёрдые каноны и догмы, за обязательностью следования которым строго надзирает многочисленная гласная и негласная цензура. Всё, что им не соответствует в поведении людей – зорко высматривается, осуждается и наказывается, всё, что им не соответствует в природе и жизни, – объявляется не существующим или противоестественным. И горе тем, кто думает иначе и смеет это открыто отстаивать.

Соответственно задачам канонизации норм в персистентных обществах неизбежно растёт, как это известно от М. Вебера, их бюрократический, регламентирующий и репрессивный аппарат. Бюрократия же никогда не довольствуется публично открытыми правилами, к тому же (по умыслу или небрежению) часто их запутывает. И одно, и другое служит введению и распространению коррупционных схем. Уровень коррупции является надёжным индикатором засилья лжи: чиновники из «слуг народа» с очевидностью для того же народа становятся его состоятельными господами. Чем сильнее канонизируются традиции – тем плодотворнее бюрократия, чем обширнее опухоль коррупции – тем привычнее и, как это ни парадоксально, легитимнее обыкновение лжи («ну, раз они

так нагло лицемерят и жутко воруют, то уж нам чуть приврать да по мелочи унести...»).

Культура в своих персистентных состояниях, таким образом, никогда не может быть свободной от процессов накопления лжи. Но в её чертополохе легче укрыться и слабым росткам новой правды! Когда ложь привычна и доминирует канон, они могут быть приняты за неискренние экзотические выкрутасы, за нечто несущественное и беспомощное: частично, «за своих» конкурирующих фарисеев и пиарщиков, частично, – за нечто, вообще не стоящее внимания. Если бы их грядущая трансмутационная мощь была ясна изначально, эти ростки были бы безжалостно истреблены на корню. А так они (время от времени для профилактики всё же прореживаемые «мотыгами» цензуры) умудряются, однако, дожить до конца аттрактора, а в бифуркации иногда и получить решающее значение. Так, например, в средиземноморской культуре было с сектой эссеи и с христианством, таковыми для Европы оказались культурологические судьбы частных инициатив Studio humanitas, изобретательства и экспериментального исследования.

Но вместе с ростками новой правды будущего среди догматики и притворства персистентности непременно живут также стойкие побеги ушедшей архаики. В ряде случаев именно они могут быть любовно взлелеяны к трансмутационным переменам, и там даже оказаться способными вытеснить и превозмочь правду будущего своей примитивной первобытной правдой прошлого. В XX веке это случилось в фашистской Германии. «Культурная революция» в Китае – это также деструктивная трансмутация, а его модернизация последних десятилетий, напротив, осуществляется в опоре на правду будущего.

Что победит, когда культура срывается в бифуркацию – новая правда или архаичная? Отброшена ли она будет на время в прошлое, угаснет ли навсегда или втянется в некоторый, пусть не обязательно оптимальный, аттрактор, который, тем не менее, устремлён в будущее? Этот вопрос – ключевой для развития культур.

Первостепенно важно, с нашей точки зрения, с каким грузом лжи приходит культура к трансмутационным переменам. Ложь – как растущий балласт корабля культуры: сначала придаёт ему нужную инерцию, пока культура не исчерпает своих ресурсов, затем всё сильнее тормозит его продвижение. Когда же балласт чрезмерен, то он в дальнейших неизбежных штормах бифуркации рискует утопить судно, продавить его тонкое днище. Существует трудноразличимый критический порог накопления лжи, за которым культура обречена на упорствование в своих заблуждениях, что приводит её к гибели, либо на возврат к архаичной правде, а, значит, деструктивную трансмутацию. Кроме того, внесение в природу человека «фальшивости» и превращение культуры в нечто внешнее и показное, как было замечено ещё в древнем Китае, развивает душевную «леность», сопряжена с духовной инертностью, с утратой импульсов творчества [5, с.68-69]. Так всходят реде и быстрее вянут ростки новой правды.

Благоприятный исход трансмутации, таким образом, первостепенно зависит не только от распространения новых идей и творческих достижений, как это принято считать, но также от того, насколько в неформальных «уголках» культуры,

пришедшей к неизбежности перемен, сохранились свободные от диктата лицемерия остатки здравого смысла в распознавании и оценке заблуждений, уважение к честности и пиетет правдивости. Причём не только в качестве диссидентских осколков, и не лишь как глубоко законспирированное и почти забытое былое достоинство мещанина, а на уровне действующих элит. Нужна реальная сила, способная не только на начальных этапах персистентности провоцировать и поощрять претенциозность канонов, слепоту догматики и наглое лицемерие бюрократии, но, также, вовремя останавливать эти процессы накопления лжи. Её опасный груз в таких случаях «мудрого правления», как это неоднократно наблюдалось, может быть быстро облегчён, а архаичная правда обезврежена без социальных катастроф и гражданских войн.

Чтобы заблуждения не стали реальной угрозой культуре, их нужно ясно отличать от намеренной лжи и столь же отчётливо распознавать симптомы, которые свидетельствуют о том, что груз лжи продолжает расти, приближаясь к критической пороговой величине.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ ЗАБЛУЖДЕНИЙ И СИМПТОМАТИКИ НАКОПЛЕНИЯ ЛЖИ

Словом «заблудиться» (в горах, в джунглях, в пустыне) в естественном языке мудро означена ситуация, в которой незадачливый путник потерял дорогу к людям, к оазисам культуры, затерянным в хаосе дикой природы. Им неявно противопоставлены два мира – искусственный, созданный людьми, и мир естественный: заблудился тот, кто уклонился от надприродного культурного мира и оказался в плену мира природы. Так он рискует навсегда утратить свой дом, семью, друзей, профессию, родину – свой Дом культуры и самую жизнь.

Соответственно, «заблуждение» означает отход от тех «дорог» и «троп» культуры (норм, ценностей и знаний), которые полагаются в ней нормальными и правильными. «Блудить» – отклоняться должного умышленно, «блукать» – значит быть в его поиске. Поэтому блуд жёстко и безотлагательно получает клеймо «скверны», а к заблуждению отношение терпимее: нельзя, конечно, сказать, что оно поощряется, но никто не может его миновать, и важно только в нём не упорствовать. Маймонид восемь веков назад называет своё главное философское сочинение «Путеводитель заблудших». Заблуждение предназначено культурой для преодоления, и человек сам способен его распознать (и тем самым стать полноценным носителем своей культуры) только тогда, когда он уже нащупал правильный путь. Нужно дать ему для этого время и быть терпеливыми наставниками. В процессы инкультурации и культурного развития, таким образом, с необходимостью включены культурные стратегии распознавания заблуждений. «Путеводитель заблудших» люди посчитали нужным уже с тех давних времён перевести с арабского на великое множество других языков.

Современная ситуация осложнена тем, что у заблуждающегося больше искусов возможных путей, а времени для правильного решения – меньше. Поощряемое

демократией обилие субкультур не только увеличивает свободу человека, но также дезориентирует его. А время техногенной цивилизацией резко уплотнилось, ускорилось, «успех» и «успеть» теперь оказались в сильнейшей корреляции. Из ужасно запутанного лабиринта, в итоге, нужно выбраться в кратчайшие сроки.

Заметно больше, чем раньше, стало дорог, которые ведут человечество «в никуда», то есть тупиковых аттракторов, ведущих к зоне термоядерных, ресурсных, экологических и демографических катастроф. Больше на нынешних картах нашего выбора стало обозначаться и дорог, которые, по мнению каждого из стоящих на них регулировщиков, «ведут к храму». Всякий постовой зовёт к себе, и каждый клянётся, что истина и правда – в его храме. Иногда – искренне, зачастую – нет. Запутанная картина выходит: неясно, какую из многих дорог выбрать, чтобы и с храмом не промахнуться, и, что уж вовсе неприемлемо, на тупиковую не угодить, или хотя бы вовремя, до точки невозврата, с неё свернуть. А все вокруг торопят, подгоняют: говорят, что времени для раздумий нет, глобальные проблемы строго таймированы, мол, вот-вот точка невозврата будет, а за ней, увы, уже неизбежный полный крах не только отдельных культур, но и всего человечества.

Современное применение культурных стратегий распознавания заблуждений в процессах инкультурации отдельных личностей имеет важным негативным последствием рост невротизма. Мишель Фуко вообще считает, что он и возник то вместе с недавно сложившимися психиатрическими практиками. Так или иначе, обществам теперь труднее противостоять манипуляциям, фальши подделок, достичь субкультурной консолидации и добиться ограничения массива лжи. Соответственно, судьбоносная задача распознавание заблуждений в выборе оптимального аттрактора культурного развития превратилась в открытую проблему, и как её решать – неясно. Растут риски того, что ряд культур под грузом накопленной в них лжи и разнонаправленных безрезультативных метаний уйдут «на дно» примитивизации вкупе со своими наиболее отсталыми догмами. Возможно, только некоторым культурам удастся нужным образом ответить на вызовы времени, вывести на чистую воду самых надоевших лгунов и самых отъявленных мошенников, войти в такую трансмутацию, которая приведёт культуру более высокому уровню. Тем важнее вовремя заметить симптомы критически опасного разрастания чертополоха лжи.

Далее ограничимся их простым, с минимальным комментарием, перечнем, далёким от завершённости и строгой упорядоченности. Многие из симптомов непосредственно взяты нами из романа Л. Фейхтвангера «Успех», рассказывающим об аттракторе германской культуры, приведшим её к кошмару фашистской трансмутации, или сопряжены с иными известными фактами истории культуры. Некоторые просто добавлены опытом личного наблюдения за окружающими культурными реалиями. Ведь симптомы накопление лжи нетрудно заметить во всех сферах и нашей жизни – политического бомонда и обывателя, в институциональных сферах искусства и науки, в жизни всякого производственного объединения, каждой семьи, любой неформальной группы. Словом – везде. Поэтому и упорядоченность

этих симптомов пока второстепенна: важнее предложить читателю соотнести их с собственными наблюдениями.

Грозными индикаторами необходимости принятия безотлагательных мер борьбы с последствиями созревшей и уже разросшейся до критических масштабов «опухолью лжи» являются, как ранее упоминалось, уровень коррупции и распространения бюрократии, а также террор как способ борьбы с инакомыслием. Пока не поздно (и если ещё не поздно) их следует взять под общественный контроль и остановить. Доля теневой экономики, исчисляемая в процентах, довольно точно указывает, насколько поражён опухолью лжи общественный организм.

Укоренённости коррупции способствует то, что она становится привычной для обывателей, которые отождествляют её с завидным умением «зарабатывать» (!) деньги. Тенденции роста бюрократии прослеживаются не только через цифры статистики, вернее они определяются престижем чиновничьих должностей для новых поколений (который, например, лишь недавно стал тревожить российское руководство). Тактика террора проводится ныне только радикалами, но, хотя и осуждается почти всеми странами, всё же получила всемирное распространение. Террору предшествует (и далее дополняют его) практики доноительства и тайного полицейского надзора, обычные для тоталитарных обществ и, как время от времени скандально выясняется, применяемые также в самых «развитых демократических» странах. А на самых ранних этапах террору и доноительству предшествует распространение нелепых обвинений, которые вдруг начинают предъявляться опешившим гражданам. В ситуацию, когда нужно доказывать, что ты – «не верблюд» время от времени попадает каждый из нас, и пока недоразумение можно прояснить, ложь ещё не торжествует, но она наступает тем увереннее, чем чаще приходится это делать.

Индикатором успешности оттеснения правдивости в современных обществах является также распространение манипуляционных технологий: вместо апелляции к здравому смыслу, к логической аргументации и эмпирическому обоснованию здесь предпочтение отдаётся умению увлечь, психологически заставить. Открытое силовое принуждение террора так дополнено принуждением скрытым и по видимости ненасильственным, хотя насилие над личностью всё же осуществляется. В этом смысле оно и тоньше, и подлее. Так называемый «25-й кадр», зомбирующий зрителя, удалось законодательно запретить. Но PR-технологии, реклама и имиджмейкерство становятся всё более изощрёнными, вездесущими и дорогостоящими. Стоимость бренда в цене товара достигает десятков процентов, что коррелирует с размахом теневой экономики. Это – и цена, которую мы платим за приукрашенную правду и сладкую ложь, и оценка её масштабов.

Симптоматично появление в самых разных сферах (наиболее наглядно – на эстраде) многих «голых королей», мнимые достоинства которых умело нахваливаются специально нанятыми профессионалами (а также, в целях экономии, друг другом, когда «кукушка» и «петух» не конкуренты). Кроме того, они без конца подчёркиваются саморекламой таких «королей» («эти руки никогда не крали»), и

так, в итоге, становятся бесспорными для ослеплённых фанатов, или хотя бы маскарадным костюмом (а, фактически, паутиной), который временно привлекает сторонников.

И в политике, и на эстрадной сцене, и на профессорской кафедре, и на художественной выставке, – везде и всюду они одинаково чванливы, меркантильны и безответственны. «Звезду», оказывается, можно просто «сделать на фабрике», как бройлера, – только способы откорма другие. Конкурсы красоты выигрывают пластические хирурги. Рейтинг политолога ныне не может быть высоким, если он не говорит по-английски и не выпустил огромным тиражом шокирующий бестселлер (от главных положений которого потом можно и отказаться), или, по крайней мере, не перестаёт мозолить глаза зрителей на телеэкранах. Рейтинг писателя теперь зависит не от качества прозы, а от того, как продаются его книги. Отгалкивающая безвкусная инсталляция может быть непристойной или омерзительной: главное, чтобы запомнилась. Верить предвыборным обещаниям политиков стало признаком недалёкости. Все эти «голые короли» эстрадного и политического бомонда, литературно-писательской и художественной амбициозности, все эти лезущие в глаза лидеры, гламурные звезды и топ-модели по сути своей являются скоропортящимся товаром сомнительного качества, который поскорее и с максимальной выгодой просто нужно уметь продать.

Соблазн раздуть собственный авторитет проникает всюду и подменяет чувство собственного достоинства. Украинский дворник или безработный с озабоченным и деловым видом на ходу разговаривает по мобильному телефону, будто сверхзанятый бизнесмен. Престиж сводится к умению «делать деньги», и неважно, как они «пахнут». Дети приморских городов хотят быть курортниками, а девочки – топ-моделями и путанами. И, подобно голому королю, ни за что не отвечать, ни за какие катастрофы, которые могут быть вызваны столь наглой имитацией жизни: стандартная отговорка военных преступников всех времён и народов – «я только был верен присяге и выполнял приказы».

Если у Вас есть ощущение, что невольно втянуты в какой-то маскарад, правила определения хорошего тона на котором почему-то узурпированы дутыми авторитетами, а все остальные более или менее послушно исполняют свои па и ужимки, значит культура уже густо и прочно затянута паутиной лжи голых королей.

Стандартным и тревожным симптомом также является (здесь Л. Уайт прав) ухудшение системы образования. Те немногие люди, которым всё же удалось его получить, теперь снисходительно и насмешливо именуется на постсоветском пространстве «ботаниками», а о былом престиже учителя здесь остались одни воспоминания. Невежество, в общем, нормально, но до тех пор, пока оно не становится воинствующим. Когда ложь привычна, право на невежество начинает открыто и нагло отстаиваться. Многие выпускники американских школ не умеют читать и писать, но всем им знакомо и близко риторическое вопрошание образованных людей современными софистами: если ты такой умный, то чего ты такой бедный?

Вместе с падением престижа образования закономерно падает и престиж науки. Она замыкается на узкую конкретику перспективных для бизнеса технологических новшеств и промышленных секретов, уходит в закрытые лаборатории военных ведомств. Наука всё более обретает непубличный характер, спрос на научно-популярные издания резко сокращаются. И освободившееся место немедленно заполняется распространением знания иного типа – герметического, оккультного. С ним в упорядоченное пространство объяснений и предсказаний, продуцируемых наукой, врываются совсем иные, новые и разные смыслы. Малообразованному человеку не под силу отграничить оккультный дискурс от научного, потому он переживает возникшую неупорядоченность смыслов как неконтролируемый и необузданный хаос, перед которым чувствует собственную уязвимость и беспомощность. Закономерный в таких случаях страх людей и их настороженное отношение ко всякому дискурсу постмодернисты называют логофобией. Она неоднократно сопровождала культуры, когда менялась принятая система образования – в лучшую ли, либо в худшую сторону. Характерно, что логофобия обычно сопровождается толерантностью к попранию здравого смысла (ибо представления о нём оказываются весьма размытыми), а также склонностью к жестокости и несправедливости (что неудивительно для дезориентированных и испытывающих страх людей).

Наконец, остановимся на более тонких и, на первый взгляд, безобидных стилистических особенностях культурных дискурсов, которые, тем не менее, относятся к наиболее ранним симптомам становления процессов накопления лжи.

Назовём первую из них важностью банальностей. Им начинает уделяться заметно большее внимание, как в содержательном плане, так и в формальном. В изобилии продуцируются тексты, в которых старательно реферировается и компилируется то, что ранее уже было известно и описано. Их основное достоинство усматривается в том, что они могут быть полезными, или что ими поддерживается некая нужная традиция. Тем самым вполне резонный для инновационных дискурсов вопрос о том, что нового они содержат, как-то ловко оттесняется в качестве второстепенного и даже неуместного. Стилистика речей характерна обилием банальностей, которые многословно преподносятся с самым глубокомысленным видом, а также употреблением надоевших штампов, которые назойливо повторяются.

Так как в отсутствии нового и доказывать нечего, логическая аргументация во многом становится излишней (разве что остаётся повторять уже известные доказательства ранее доказанного). Поэтому для обоснования нужных доводов суггестивного свойства широкое применение получают практики заклинаний и морализаторства. Они не только традиционно и повсеместно составляли во все времена главную основу проповедей и внушений, не только всегда непременно были присущи политическим дискурсам, но с канонизацией культурных норм начинают просачиваться даже в науку. Они позволяют и здесь делать вид, что ничего существенно нового не происходит, или что наблюдаемые перемены достойны лишь осуждения. Например, часто отстаиваемый красивый экологический

императив «благоговения перед жизнью» фактически осуждает цивилизационные перемены последних столетий. Чтобы ему следовать, по расчётам специалистов, население планеты должно быть сокращено больше, чем в десять раз: вот тогда другие виды будут в безопасности от нас, в том числе пылевые клещи, коих в каждой комнате насчитывается примерно 10 триллионов. Мы действительно этого хотим? Если нет, за «благоговение» не спрячешься.

Жизнь упрямо выталкивает нас в новизну перемен, правда то и дело, несмотря на все старания её спрятать, выходит наружу. Находятся наивный ребёнок, который к изумлению и неодобрению окружающих вдруг бестактно вопит: «а король то – голый!» Чего больше в этом симптоме наивного правдолюбия: нашей опаски оказаться таким правдолюбцем, нежелания первым «прошибать лбом стенку», снисходительности к тому, кто «жизни ещё не знает», или скрытой зависти к чужому мужеству? Так или иначе, только складывающаяся привычка жить во лжи приводит нас к обыкновению столь изощрённого именованного правдолюбия – «наивным».

В тех нередких случаях, когда правдолюбие для кого-то намертво срослось с наивностью, его постоянная практика лицемерить и приукрашивать правду, предназначенную для другого человека, оборачивается на него самого. Возникает феномен (и симптом) амфиболии: он знает, что говорит неправду, но искренне, всей душой верит в неё, пока говорит. Потому в его эмоциях, сопровождающих речь, нет ни малейшей фальши, и многие люди начинают ему верить. Симптом амфиболии, её распространённость свидетельствует о виртуозном умении (которым из публичных украинских политиков лучше всех владеет Ю.В. Тимошенко) жить в условиях накопления лжи – «как рыба в воде».

Как видим, симптоматика процессов накопления лжи достаточна для их своевременной диагностики. Однако ложь прочно укоренена в культуре, и чтобы способствовать правде и честности, нужно не только уметь её вовремя распознать, но также ясно представлять и использовать способы её саморегуляции.

ПАЛЛИАТИВНЫЕ СПОСОБЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛЖИ

Дело в том, что ложь, как скорпион, способна жалить сама себя. Собственно, в этом нет ничего удивительного: раз она разъедает своим ядом всё, то, естественно, иногда под своё жало попадает и сама. И в таких случаях она себя ограничивает, в наслоениях лжи становятся видны проблески правды. Опытные рецидивисты и хорошие психологи знают: лучшая тактика поведения на допросах, если желаешь скрыть правду, – упорное молчание. Иначе тебя много раз заставят повторять свою ложь, и квалифицированный следователь, внимательный к её нюансам, непременно докопается до правды. Когда человек лжёт, то он всегда, сообразуясь с конкретикой контекста, в который он вовлечён, вынужден предпринимать некоторые ситуативные меры по нюансировке своей главной лжи, какому-то её развороту, уточнению. Но тем самым он её невольно ограничивает, пусть и с помощью новой лжи. Сравнивая разные версии ограничений, можно заметить контуры скрываемой

правды: так невидимый в воде предмет обретает различные контуры, если её подкрасить. Именно «на плечах опознаного обмана» мы, подобно герою Марселя Пруста, и путешествуем по жизни [11, с.215].

Во многих важных случаях ложь является нормальной и даже демонстративной (показательно-намекающей) реакцией на правду, которую мы не хотим или не можем заметить, то есть, на наши заблуждения. Такова пресловутая коррупция: она является нормальным ответом на плохие правила тех игр, которые нами приняты и действуют для регуляции экономических отношений. Распространённые утверждения о том, что ужасная коррупция препятствует саморегуляции экономических отношений, попросту нелепы, поскольку именно она, напротив, служит главным средством их саморегуляции. Уровень коррупции – самый надёжный индикатор того, насколько адекватны или ошибочны те законы, регулирующие структуры и установления, которые нами публично установлены для организации экономической жизни. Его можно и нужно снижать, меняя эти правила таким образом, чтобы им было выгоднее следовать, нежели уводить экономику «в тень», «откатывать» и давать взятки. «Кнут и пряник» в стратегии борьбы с коррупцией должны поменяться местами. Акцент на силовых методах «кнута», как показывает практика, приводит лишь к захвату коррупцией высших эшелонов власти и её упрочнению. «Пряник» низких налогов и ограничения чиновничьего произвола должен быть действительно, по-настоящему привлекателен, а риски попасть под «кнут» правоохранительных органов, столь же по-настоящему, – недопустимо опасными. Только тогда коррупция становится невыгодной, оказывается излишней для саморегуляции экономики, которая теперь может осуществляться её публичными правилами. Так как последние никогда не могут быть безусловно совершенными, а, тем более, применимыми во все времена, их приходится то и дело корректировать. Уровень неистребимой коррупции как раз и свидетельствует о том, насколько они хороши, насколько справляются с регуляцией, и насколько эта их правда, поддерживаемая институтами права, уже оттеснена и уступила место лжи.

К иным (помимо коррупции) распространённым паллиативным способам саморегуляции лжи, характерным ситуативной эффективностью, относится практика двойных стандартов и метод скрещённых пальцев (дули в кармане). Они настолько часто встречаются в жизни, настолько привычны, что нам остаётся лишь подчеркнуть, что ими ложь не только поощряется и покрывается, но также уязвляется и вскрывается. Стандарт потому и парадоксально зовётся «двойным», что он отчасти применяется по правде, а отчасти его применение заблокировано ложью. Как иначе сделать несостоятельную вынужденную клятву или присягу торжествующим идиотам, как ни правдой скрещённых пальцев, то есть ясным пониманием того, что говоримое – только заведомая ложь? Пусть кукиш скручивается в кармане, и мы по каким-то причинам не можем его, как хотелось бы, показать открыто, – но он, как ясная оппозиция лжи, там есть! Вправе ли мы осуждать Штирлица за то, что он поклялся подвыпившей даме с лисой скоро вернуться, – «чтоб я сдох», но ни одного из этих обещаний не сдержал?

Подобные наслоения лжи и правды достигаются также с помощью смягчения правды и иносказаний. Ими снимается беспощадная резкость контуров правды. Басня вполне прямо намекает на неё, но оставляет нам как свободу для интерпретаций, так и время для выбора её уместных контекстов. Голая и неприкрашенная правда честнее, строже, но во многих случаях оказывается менее эффективной, а иногда бывает даже жестокой. Её свет способен ослепить непривычные глаза, им нужно дать возможность и дать время к нему привыкнуть.

Метод двойного дна предназначен для сокрытия правдивого содержимого от посторонних глаз. Под фальшивым дном чемодана контрабандист перевозит наркотики, а лицемер и ханжа прячет порнографические картинки. Человек с двойным дном, конечно, двуличен, за что моралисты его беспощадно бичуют. Лживость «свидетельствует как о презрении к богу, так и о страхе перед людьми», и потому она – гнуснейший и постыднейший из пороков [10, с. 309]. При этом подразумевается, что «на поверхности», там, где люди, царит правда и добродетель, а порок и ложь лицемерный негодяй прячет «на дне» своей двуличной души. Но если наоборот, если общество погрязло во лжи? Тогда и он на поверхности такой, как все – порочный и плохой, а в потаённой глубине своей – правдив и хорош! Так в условиях засилья лжи она начинает сама себя ограничивать, сдерживать посредством двуличия. Показательно, что в языках тоталитарных обществ появляются особые коннотаты, фиксирующие такие процессы. Словом «бифштекс» в нацистской Германии стали именоваться некоторые сомнительной лояльности сограждане: по внешнему виду, казалось бы, положительно «коричневые», а внутри, по сути своей гнилой, – «красные» лицемеры. У нас такую же роль сыграла «редиска» – нехороший человек, только сверху по-пролетарски красный, а по скрытому и подлому нутру своему – сторонник белой гвардии. Жизнь показала, что такие «бифштексы» и «редиски» были носителями той нужной правды, которая оказалась востребованной позже, когда общество стало выздоравливать от болезней тоталитаризма.

Метод уклонения от выбора применяется тем чаще, чем сильнее засилье лжи: всё равно, что ни выбери, ни к чему хорошему не придёшь. «Как не кинь, всё клин» – так говорится о таких ситуациях псевдовыбора. Уклониться можно, либо отсрочив принятие решения, либо вообще передоверив выбор судьбе или случаю.

Отсроченная позиция – это, чаще всего, бегство в праздники, когда можно забыть о насущных будничных проблемах, отдохнуть и расслабиться, выпить и закусить. Чем чаще праздники, тем лучше. «С праздником» – говорят по утрам алкоголики, изобретательно и творчески увеличивая их число. «Со светлым (или большим) Вас праздником!» – говорят нам политики, и в этот торжественный день народ и власть демонстрирует единство, а упоминать о проблемах считается признаком плохого тона. Как будто бы в День независимости Белому Дому было неизвестно, что через пару недель государственный долг вплотную приблизится к своему потолку! Во многих культурах число праздничных дней уверенно превышает третью часть и едва не доходит до половины всех дней года.

Но рано или поздно решать всё же приходится, и тогда уклониться от выбора можно с помощью жребия, поворота рулетки или выпавшей карты. Чем чаще обращаются к ним люди, чем распространеннее азартные игры и мантические практики, чем искреннее уповают они на рулетку и жребий как на «Божий суд», – тем обширнее и глубже море людского неведения, тем мощнее массив накопленной лжи, обрести в котором собственную ориентацию они уже отчаялись.

Паллиативные способы саморегуляции лжи довольно часто опираются на так называемую «логику Пер-Нозля» (по-русски, Деда Мороза). «Это не логика тезиса и доказательства, но логика легенды и вовлечённости в неё. Мы в неё не верим, и, однако, она нам дорога» [2, с.137]. Такая особая «логика», согласно Жану Бодрийяру, в условиях тотальных симуляций выполняет суггестивные функции. Аналогично, представители баденской школы неокантианства отмечают заметную культурную роль некоторых ценностей, которые вообще-то не существуют (как, например, нет «истины» для Риккерта), но обладают, тем не менее, существенным для данной культуры значением.

Конечно, атаки на истину и засилье симулякров вполне органичны персистентным процессам накопления лжи. Интересно и далеко не банально здесь другое: взрослый человек, который уже давно не верит в физическое существование Деда Мороза, в действительности зачастую продолжает дорожить возможностью дарить и получать подарки от его имени! Вовлечённость в легенду на самом деле в ряде случаев оказывается важнее эмпирических свидетельств и строгих доказательств. Вовсе не по недоразумению, а по высшей (и пока не знакомой участникам событий) правде воспет поэтической мудростью «всё возвышающий обман». Логика Пер-Нозля открывает возможность романтического мировосприятия, которое легко и безжалостно разрушается «трезвым взглядом» на вещи. Но мы нуждаемся в романтике, иначе «душа моя одета в панцирь правды», который не только её защищает, но также стесняет некоторые её движения, блокирует высшие взлёты. Без неё не увлечёшься, не зажжёшь и не умиротворишь сердце, не полюбишь. Оказывается, романтическое «опьянение» может быть прозорливее или, по меньшей мере, полезнее самой «трезвой» прагматики. Когда человек «и сам обманываться рад», это не значит, что он хочет жить среди умелых лжецов, – он просто научился ценить возвышающий его идеал. Логика Пер-Нозля – это один из самых парадоксальных способов саморегуляции лжи, который в ряде случаев приводит к, возможно, наиболее ценному результату: ею воплощаются наши идеалы.

В общем, «правда» и «кривда» реально сочленены и сплетены в культуре таким образом, что, как говорил М.К. Мамардашвили, «прямо есть добро, но прямо нет добра».

Выводы. Надеюсь, предложенные читателям наши рассуждения не будут истолкованы в качестве апологетики лжи. Наиболее внимательные критики, напротив, скорее подметят какие-то изъяны в прорисованном здесь её культурологическом портрете, но также (и прежде всего), возможно, заметили то, что он более полон (а, значит, и правдив) в сравнении с обычными изображениями

лжи моралистами и логиками. Карикатурно хлесткие или формально-иссушающие трактовки лжи, которые до сих пор превалируют, не только её разоблачают, но, как ни странно, также невольно облачают в несвойственные ей одеяния простой уязвимости, открытой доступности, какого-то легкомыслия. Насколько проще было бы от неё избавиться, когда бы она только с открытой прямоотой и ослиным упрямством уклонялась от истины и добродетели! Увы, ложь отнюдь не проста, для её создания людьми расходуется не меньше изобретательности и творческой фантазии, чем для поисков правды и культурных достижений. Почему они это делают, к каким культурным последствиям ведёт накопление лжи, и какими способами регулируются эти процессы – на эти три главных вопроса мы и попытались ответить.

Ответ на первый из них состоит в выяснении корней лжи, к которым мы отнесли: (1) пресоциально укоренённую охотничью хитрость; (2) процессы конкуренции культур и субкультур; (3) изменчивость норм и ценностные дезориентации; (4) общекультурную тенденцию контроля над эмоциями; (5) экзистенциальные практики личного мифа и глубинного дистанцирования.

Наш ответ на второй вопрос – о культурных последствиях процессов накопления лжи – заключается в определении тех альтернативных ролей, которые эти процессы способны играть, а также в отслеживании симптоматики достижения этими процессами критически опасного порога. В персистентных состояниях культуры ложь выполняет конструктивную роль, до тех пор, пока она оберегает нормы персистентного развития, и поскольку в ней легче затеряться росткам новой правды. В ситуациях критического накопления она, однако, способна стимулировать архаичные установки и приводит к деструктивным трансмутациям культуры. К симптомам накопления лжи относятся такие её индикаторы, как уровень коррупции и распространённости бюрократии, а также террор как способ борьбы с инакомыслием. Кроме этого, симптоматичны: (1) практика доносительства и тайного полицейского надзора; (2) распространённость манипуляционных технологий; (3) частота феномена «голового короля»; (4) ухудшение системы образования и логофобия; (5) стилистические тренды важности банальностей, заклинаний и морализаторства, наивности правдолюбия и амфиболии.

Воздействовать, как-то влиять и управлять процессами накопления и ограничения лжи (что составляет суть третьего из вопросов) наиболее целесообразно, по нашему мнению, посредством её же способов саморегуляции. К наиболее распространённым из них относятся: (1) феномен коррупции; (2) метод двойных стандартов; (3) правдивая ложь скрещённых пальцев; (4) смягчения правды и иносказания; (5) принцип двойного дна или скрытого нутра; (6) техники уклонения от выбора; (7) логика Пер-Ноэля.

Культурология лжи, у истоков которой мы находимся, возможно, окажется востребованной и полезной в решении нелёгких задач оптимизации культурного развития. Что и стало бы лучшим её уделом.

Список литературы

1. Аль-Кинди. О первой философии / Абу-Юсуф Якуб бну-Исхак Аль-Кинди // Антология мировой философии. В 4-х томах. – М. : «Мысль», 1969. – Том 1. Философия древности и средневековья. – 938 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / Жан Бодрийяр. Пер с фр. С. Зенкина. – М. : Рудомино, 1995. – 173 с.
3. Генон Р. Восток и Запад / Рене Генон. Пер. с фр. Т.Б. Любимова. – М. : Беловодье, 2005. – 240 с.
4. Ибн-Сина. Книга спасения / Абу-Али Ибн-Сина // Антология мировой философии. В 4-х томах. – М. : «Мысль», 1969. – Том 1. Философия древности и средневековья. – 938 с.
5. Конрад Н.И. Полибий и Сыма Цянь // Запад и Восток. Статьи / Н.И. Конрад. – М. : Гл. редакция вост. лит., 1972. – 496 с.
6. Коран / Пер. с арабского и комм. вып. Д.Н. Богуславским. – Istanbul : Cagri Yayinlari, 2002. – 811 с.
7. Лазарев Ф.В. Оправдание мудрости : монография / Ф.В. Лазарев, М.К., Трифонова. – Симферополь : «Синтагма», 2011. – 556 с.
8. Лествичник И. Лествица / Иоанн Лествичник. (Факсим. воспр. пятого изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Преподобного отца Аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собств. типография. 1898.) – Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. – 376 [92] с.
9. Мамардашвили М. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени» / М. Мамардашвили. Ред. И.К. Мамардашвили. – С-Пб. : Изд. Русского Христианского гуманитарного института, ТОО «Журнал Нева», 1997. – 571 с.
10. Монтень М. Опыты. Избранные главы / М. Монтень. Пер. с фр. Сост., вступ. ст. Г. Косикова. Примеч. Н. Малевич. – М. : Правда, 1991. – 656 с.
11. Парамонов А. А. Топологическая идея сферы. Комментарий к архивному материалу М.К. Мамардашвили по Прусту / Парамонов А.А. // Материалы Международной конференции «Мераб Мамардашвили: вклад в развитие философии и культуры». Москва, 9-11 сентября 2010 г. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 312 с.
12. Роттердамский Э. Похвала глупости / Э. Роттердамский. Пер. с лат. П.К. Губера. Ред. пер. С.П. Маркина. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1960. – 136 с.
13. Чаттерджи С. Введение в индийскую философию / Сатисчандра Чаттерджи, Дхирендрамохан Датта. Пер. с англ., ред. Ф.Н. Грецкий. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 376 с.
14. Эволюция и периодизация духовной культуры / Духовная культура Китая : энциклопедия: в 5 т. Философия // ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2006. – 727 с.

Шоркин А.Д. Культурология неправды // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2012. – Т. 24 (65). – № 1-2. – С. 102–122.

Концепт неправды розглянут у культурологічному контексті – як атрибут персистентного стану культури. Досліджуються корні неправди, симптоми її накопичення та способи саморегуляції.

Ключевые слова: неправда, помилка, правда, чесність.

Shorkin A.D. The culturology of lie // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol.24 (63). – № 1-2. – P. 102–122.

The concept of lie is researched within the culturological context as the attribute of persistent stay of culture. It is also researched the roots, symptoms of accumulation and the ways of autoregulation for lie.

Key words: lie, misleading, truth, honesty.

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.